

Interview Presidenta SShA J. Kennedy glavnomu redaktoru Izvestia

Source: Izvestia. 29.11.1961. Moskva. "Interview Presidenta SShA J. Kennedy glavnomu redaktoru Izvestia".

Copyright: All rights of reproduction, public communication, adaptation, distribution or dissemination via Internet, internal network or any other means are strictly reserved in all countries.

The documents available on this Web site are the exclusive property of their authors or right holders.

Requests for authorisation are to be addressed to the authors or right holders concerned.

Further information may be obtained by referring to the legal notice and the terms and conditions of use regarding this site.

URL: http://www.cvce.eu/obj/interview_presidenta_ssh_a_j_kennedy_glavnomu_redaktoru_izvestia-ru-3bdd98f2-12a6-405e-b19e-0a187aaa9886.html

Last updated: 02/07/2015

Интервью Президента США Дж. Кеннеди главному редактору газеты «Известия» А. И. Аджубею

25 ноября 1961 года президент Соединенных Штатов Америки Дж. Кеннеди принял на своей даче в Хианнис порт, близ Бостона, главного редактора газеты «Известия» А. И. Аджубея и дал ему следующее интервью:

А. Аджубей. Господин президент я рад получить у Вас это интервью и хотел бы сказать совершенно откровенно, что Ваше избрание на высокий пост президента США было встречено общественным мнением нашей страны с большой надеждой. Я хотел бы задать Вам в связи с этим следующий вопрос.

Дж. Кеннеди. Позвольте мне заявить, что я весьма ценю Ваш приезд в Соединенные Штаты. Я также ценю возможность через Вас и посредство вашей газеты говорить с народом Советского Союза. Я считаю, что такие контакты, обмен мнениями, правдивое освещение того, как выглядят наши страны, к чему они стремятся, чего хотят народы,— в интересах обеих наших стран и в интересах мира. Поэтому мы рады иметь такую возможность.

А. Аджубей. Итак, я хотел бы задать такой вопрос. Во время предвыборной кампании Вы, господин президент, несколько раз высказывали добрые намерения относительно необходимости улучшения советско-американских отношений. По случаю Вашего вступления на пост президента великой страны Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев в своем послании Вам выразили надежду, что совместными усилиями наши страны могут достигнуть успеха в коренном улучшении наших взаимоотношений и международной обстановки. Они также выразили уверенность, что мы можем шаг за шагом ликвидировать существующие подозрения и недоверие и таким образом установить сотрудничество между нашими народами. Со своей стороны Советское правительство всегда готово поддержать любое хорошее начинание в этом направлении и сделать все от него зависящее для установления прочного мира во всем мире, для того, чтобы все народы жили в дружбе и без ненависти между собой.

Что Вы думаете, господин президент, о нынешнем состоянии советско-американских отношений и что, по Вашему мнению, должно быть сделано американским, а также Советским правительствами для улучшения взаимоотношений между нашими двумя странами?

Дж. Кеннеди. Я бы сказал, что в настоящее время отношения между нашими странами не столь удовлетворительны, какими, я надеялся, они будут, когда я только что вступил на пост президента. И действительно, первое, что я сделал, став президентом,— я обязался, что Соединенные Штаты предпримут серьезные усилия для достижения приемлемого соглашения с Советским Союзом о прекращении ядерных испытаний. В результате этих усилий в конце марта мы вместе с Великобританией направили наших представителей в Женеву впервые с полным текстом договора, который мы представили для обсуждения.

Я надеялся, что это будет одной из областей, где мы сможем достигнуть реального прогресса. Это уменьшило бы загрязнение воздуха и явилось бы первым шагом на пути к разоружению, и я считал, что если мы сможем достигнуть соглашения в этой области, то мы сможем затем продвигаться в других областях разоружения, которое требует действий.

Нам не удалось добиться успеха. Как Вы знаете, мы все еще сидели за столом переговоров в Женеве в августе, когда, ведя эти переговоры, Советский Союз возобновил свои испытания, подготовка которых должна была вестись в течение многих месяцев,— в то самое время, когда шли переговоры. Таким образом, это было разочарованием. К тому же со времени венской встречи Берлин и Германия стали, по моему мнению, районами нарастающего кризиса, я полагаю весьма опасного для мира, которого, я уверен,— я знаю — хотят оба наши народа.

Я считаю, что Советский Союз и Соединенные Штаты должны жить друг с другом в мире. Наши страны — большие страны, с энергичными народами, и мы в обеих наших странах неуклонно обеспечиваем повышение жизненного уровня населения. Если мы сумеем сохранить мир в течение 20 лет, жизнь народа Советского Союза и жизнь народа Соединенных Штатов будет значительно богаче и значительно счастливее по мере неуклонного подъема жизненного уровня.

По нашему мнению, трудности проистекают в результате усилий Советского Союза в известном смысле коммунизировать весь мир. Если бы Советский Союз только стремился защищать свои собственные национальные интересы, защищать свою собственную национальную безопасность и позволил бы другим странам жить так, как они пожелают, — жить в мире — тогда, я полагаю, исчезли бы проблемы, которые теперь вызывают столь много напряженности.

Мы хотим, чтобы народ Советского Союза жил в мире, мы хотим того же самого для своего народа. Именно эти усилия распространить коммунистическую систему на одну страну за другой представляют, по моему мнению, большую угрозу для дела мира. Если бы Советский Союз преследовал только свои собственные национальные интересы и стремился к обеспечению лучшей жизни для своего народа в условиях мира, тогда, по моему мнению, не было бы ничего такого, что могло бы омрачать отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

А. Аджубей. Это весьма интересно. Но, как гражданин Советского Союза, как член Коммунистической партии, я не могу согласиться с Вами в той части Вашего ответа, где Вы утверждаете, что мы пытаемся «коммунизировать» мир. На XXII съезде Коммунистической партии, который, по нашему мнению, является историческим событием, мы одобрили Программу коммунистического строительства и заявили, что мы против любого экспорта революции, но мы также против и любого экспорта контрреволюции. Если мы обратимся к фактам, то есть много стран в мире, в дела которых, с нашей точки зрения, вмешиваются Соединенные Штаты Америки. Вчера по телевидению я видел программу, которая демонстрировалась миллионам американцев и в которой ваш обозреватель утверждал, что весь мир находится под угрозой захвата коммунистами. Мы бы хотели, чтобы этому был положен конец.

Наше правительство, наша партия считают, что каждый народ избирает такую систему правления, какая ему нравится. Австрия избрала капиталистический путь развития, хотя там и находились советские и американские войска. А Куба избрала другой путь развития. И мы приветствовали бы, если бы Вы, господин президент, заявили, что вмешательство в дела Кубы было ошибкой. Мы надеемся, что кубинский народ утвердит свой собственный путь развития, так же как и Доминиканская Республика, Эквадор, Бразилия и многие другие страны.

Дж. Кеннеди. Позвольте мне лишь сказать, не вступая в спор, что Соединенные Штаты поддерживают идею, что каждый народ должен иметь право свободного выбора той системы правления, которую он желает. В случае с Кубой позвольте мне напомнить Вам, что революция Кастро была первоначально поддержана огромным большинством народа. Когда Кастро проводил революцию, было провозглашено, что будут свободные выборы, свобода для народа и прогресс для народа. Но Кастро не сдержал этого обязательства. До тех пор, пока нынешнее правительство Кубы не разрешит свободных и честных выборов, оно, по нашему мнению, не может претендовать на то, что оно представляет большинство народа. Таков наш спор с Кубой.

С другой стороны, г-н Джаган, который был недавно избран премьер-министром в Британской Гвиане, является марксистом, но Соединенные Штаты не возражают, потому что он был избран путем честных выборов, на которых он выиграл.

Если народ любой страны изберет коммунистическую систему на свободных выборах, после того, как предоставлена справедливая возможность для выражения различных взглядов, Соединенные Штаты примут это. То, против чего мы возражаем и что мы считаем угрозой миру, — это, когда система навязывается небольшой воинствующей группой путем подрывной деятельности, проникновения и всего прочего.

Если бы Советский Союз и наша страна смогли развивать свои ресурсы и если бы вы позволили народам мира развиваться тем путем, которым они желают развиваться, тогда, если любая нация выберет коммунистическую систему, мы признаем и примем это. А если они выберут другую систему, мы надеемся, что вы также признаете и примете это. Если бы мы смогли создать такое положение с обеих сторон, я убежден, что Советский Союз и Соединенные Штаты, которые могут достигнуть столь многого в условиях мира, смогли бы жить в мире.

А. Аджубей. Я понимаю Вас, господин президент, и мне приятно слышать такие слова от Вас, потому что, как Вы знаете, будущее мира во многом зависит от отношений между Соединенными Штатами Америки и нашей страной. Пусть народы решают, какой путь развития они хотят избрать. Однако хотел бы обратить Ваше внимание на такую историческую параллель. Когда большевики во главе с В. И. Лениным пришли к власти, весь капиталистический мир кричал, что они заговорщики и в России нет свободы, но через 44 года наша страна стала великой державой. Но дело не в этом. Я хочу задать Вам еще один вопрос...

Дж. Кеннеди. Вы, господин Аджубей, и журналист, и политический деятель.

А. Аджубей. У нас каждый гражданин является политическим деятелем, потому что мы очень любим нашу страну. И молодые, и старые любят социалистическую систему нашей страны и мы готовы бороться за нее до победы. Вы, господин президент, гордитесь своей страной, а мы также очень гордимся своей страной, мы гордимся своей партией, мы гордимся В. И. Лениным.

Иногда, господин президент, говорят, что для улучшения взаимоотношений между нашими странами необходимо начать с урегулирования малых проблем. Другие считают, что скопилось слишком много спорных малых проблем и, возможно, было бы лучше начать с крупного акта. Мы считаем, что таким большим актом являлся визит Никиты Сергеевича Хрущева в США в 1959 году. Однако, к сожалению, положительные результаты этого визита были сорваны, сведены на нет известными действиями тогдашней американской администрации. Как Вы, господин президент, относитесь к идее заключения мирного пакта между Соединенными Штатами и Советским Союзом? Это был бы крупный шаг вперед.

Дж. Кеннеди. Я думаю, что нам следует не только иметь договоренность между нашими странами, но и предпринять такие шаги, которые сделают мир возможным. Я думаю, что бумага и слова на бумаге не столь важны, как важно, рассмотреть те вопросы, которые порождают напряженность между нашими двумя системами, и посмотреть, не можем ли мы устранить эту напряженность.

Одним из этих вопросов является сейчас вопрос Германии и Берлина. Если мы сможем достигнуть прогресса в этом вопросе, тогда, по моему мнению, это явится чрезвычайно важным шагом в улучшении наших отношений по другим вопросам.

Я сказал, что если бы мы смогли достигнуть соглашения о прекращении ядерных испытаний, это привело бы к другим соглашениям по разоружению. Если мы сможем успешно достигнуть соглашения, которое обеспечит мир в Центральной Европе, если мы сможем завершить наши усилия в Лаосе и создать такие условия, при которых правительство и страна будут нейтральными и независимыми, как это было согласовано председателем Хрущевым и мною в Вене, тогда мы сможем перейти к другим вопросам, вызывающим напряженность. Я полагаю, как я уже сказал, что если мы сможем сейчас добиться соглашения на удовлетворительной основе по Берлину и Германии, которые являются наиболее критическим районом, потому что они представляют большой интерес для обеих наших стран и вызывают большую озабоченность у наших народов, тогда мы сможем сделать другие шаги. Если мы сможем разрешить проблему Германии и Берлина, я считаю, что мы увидим, как значительно улучшатся наши отношения.

А. Аджубей. Благодарю Вас, господин президент, это очень примечательная мысль. Особенно потому, что — насколько я понял Вас, — Вы собираетесь серьезно разговаривать по этим проблемам с нашим правительством. Позвольте мне сказать, что германская проблема имеет очень важное

значение для нашей страны по многим причинам. Не только по чисто политическим причинам, не только по соображениям престижа. Как Вы знаете, мы имеем союзников — Польшу, Чехословакию и ряд других стран. Однако до настоящего времени мы не слышали каких-либо трезвых голосов с Запада, которые подтверждали бы неизбежность существующих в Европе границ, а это было бы очень важно услышать. Но есть и другой аспект германской проблемы. У нас, в Советском Союзе, нет ни одной семьи, которая не потеряла бы своего близкого в войне. Вы знаете, мы пытаемся затушить тлеющие угли прошлой войны в Центральной Европе. Но мы не хотим выступать, так сказать, только в роли политического пожарного, хотя это и очень важно. В сердце каждого советского гражданина, в душе каждого советского гражданина, как Вы знаете, от пожара прошлой войны горит уголек, его жар обжигает душу, не позволяет человеку спать спокойно. Таким образом, решение вопроса о мирном договоре — это надежда и спокойствие в сердце каждого советского человека. Ведь мы все еще поем в наших песнях о тех, кто не вернулся домой с войны. Я знаю, что Вы участвовали в войне, что Вы герой войны, и вот почему я обращаюсь к Вам с такими возвышенными словами.

Но это, если хотите, отступление. Господин президент, если я не ошибаюсь, в 1958 году наше правительство предложило правительству Соединенных Штатов — тогда, как известно, у власти находилась старая администрация—нормализовать торговые отношения между нашими странами. Сейчас, как Вы знаете, торговые отношения между нашими странами находятся в весьма плачевном состоянии. Перед отъездом в США я говорил со своими друзьями из Министерства внешней торговли, и они просили меня спросить Вас, имеются ли какие-либо перспективы для улучшения торговых отношений между нашими странами? Ведь известна старая истина: вместе с товарами, вместе с обменом товаров приходят и лучшие отношения между народами.

Дж. Кеннеди. Разрешите мне заметить, я знаю, что Советский Союз пострадал от второй мировой войны больше, чем какая-либо другая страна. Это был ужасный удар, каждая семья понесла потери, включая многие семьи тех, кто входит теперь в ваше правительство.

Я хочу сказать, что Соединенные Штаты тоже пострадали, хотя, вполне очевидно, и не столь тяжело, как Советский Союз. Мой брат погиб в Европе. Муж моей сестры погиб в Европе.

Дело в том, что война окончена. Мы хотим предотвратить новую войну, которая могла бы возникнуть в Германии. Я думаю, что важным в отношениях между Соединенными Штатами и СССР является то, чтобы не создавать такой напряженности и давления, которые, во имя решения проблем второй, мировой войны, увеличили бы возможности конфликта между Советским Союзом и его союзниками, с одной стороны, и Соединенными Штатами и их союзниками — с другой. Что нам следует попытаться сделать — это выработать путем переговоров решение, которое сделает возможным сохранение мира в Центральной Европе. И это является целью нашего правительства. Теперь в отношении торговли. Когда я стал президентом, одним из первых актов было изменение политики правительства в отношении ввоза крабовых консервов. Это не было вопросом большого долларового оборота, но он имел некоторое символическое значение; это был вопрос, о котором неоднократно говорил председатель Хрущев.

Я лично считаю, что если мы сможем разрешить проблемы, о которых мы сейчас говорим, в частности проблему Берлина, и смягчим общую напряженность,— торговля тогда возрастет. Сокращение торговли в последние месяцы было вызвано трудностями, которые мы испытывали в Германии и Берлине. Я хотел бы надеяться, что торговля может быть расширена, и я думаю, что она расширится немедленно, если мы сможем достигнуть мирного и удовлетворительного решения германской и берлинской проблем, отвечающего интересам всех сторон.

А. Аджубей. С чувством удовлетворения я передам Ваши слова нашим читателям. Мы всегда считали и считаем американцев реалистами. Ваша энергия, ваш реалистический подход помогли создать столь богатую страну. А сейчас я хотел бы спросить Вас откровенно, господин президент, поскольку эта мысль была выражена Вами в нескольких местах: серьезно ли Вы считаете, что социальные изменения, происходящие в мире сегодня, являются результатом действий «рук Москвы»? Хотел бы напомнить Вам следующее. Вы знаете, когда во Франции победила буржуазная

революция, аристократическая Европа обвиняла Францию во всех смертных грехах. Когда победила Великая Октябрьская социалистическая революция, весь мир сытых осудил эту революцию. Но эта революция победила! Вы упомянули, что в Британской Гвиане к власти пришел марксист. Думаете ли Вы, что там произошли события в соответствии с нашими инструкциями? Конечно, мы не можем дать Вам каких-либо заверений, что в мире не будет никаких социальных изменений, несмотря на то, что Вы будете называть это результатом действий «рук Москвы».

Дж. Кеннеди. Разрешите мне сказать, как я уже отмечал, что если народы этих стран сделают свободный выбор в пользу коммунистической, социалистической или какой-либо другой системы, то Соединенные Штаты и народ Соединенных Штатов примут это. Вот почему я привел пример с Британской Гвианой. Но, конечно, я не считаю и не говорю, что Советский Союз несет ответственность за все изменения, которые происходят в мире. Например, после второй мировой войны Британская империя преобразовалась в независимые государства, кажется, их 15. Французское сообщество преобразовано в 21 независимое государство. Много изменений происходит в мире. Западная Европа теснее объединилась в рамках общего рынка. Это не является результатом усилий коммунистов. Как я говорил, происходит много перемен во всей мире. Люди хотят жить по-разному. Мы тоже хотим этого. Если они имеют справедливую возможность выбора, если они выберут коммунизм, мы принимаем это. Против чего мы возражаем, — это против попытки навязать коммунизм силой, и против такой ситуации, когда народу, в свое время попавшему под власть коммунизма, коммунисты не дают справедливой возможности сделать другой выбор.

Мы считали, что Ялтинское соглашение и Потсдамское соглашение предоставляли свободный выбор для народов Восточной Европы. По нашему мнению, они не имеют сегодня свободного выбора. Вы можете утверждать, что они хотят жить при коммунизме, но если они не хотят, они не имеют возможности изменения. Мы считаем, что если Советский Союз, не пытаясь навязать коммунистическую систему, позволят народам мира жить так, как они хотят жить, отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами будут тогда вполне удовлетворительными, и наши два народа, которые живут теперь в опасности, будут способны жить в мире и со значительно возросшим уровнем жизни. И я считаю, что мы имеем сейчас в обеих наших странах такие огромные экономические возможности, что нам следует посмотреть, как мы можем жить вместе, не пытаясь навязывать наши взгляды друг другу или кому-либо другому.

А. Аджубей. Господин президент, я и не ожидал, что за такой короткий период времени мне удастся обратиться к Вам в другую веру, так же как и Вы не ожидали сделать то же самое со мной. Вы беседовали с нашим Председателем Совета Министров, Первым секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, и он не смог, да и не пытался переубедить Вас. Это, как Вы знаете, является делом личных взглядов. Один человек может рассматривать определенные выборы свободными, а другой может считать эти выборы недемократическими. Например, в ряде латиноамериканских стран происходят большие революционные изменения. В течение длительного периода времени Вы считали, что Трухильо был избран демократическим путем. То же самое Вы говорите и о режиме шаха Ирана. Но давайте не заводите спора и перейдем к следующему вопросу. Позвольте, господин президент, задать Вам следующий вопрос. Хорошо известно, что Советское правительство заявило о своей готовности принять любое предложение западных держав о международном контроле и инспекции, если будет достигнуто соглашение о всеобщем и полном разоружении. Вместе с тем Советское правительство не исключает возможности достижения соглашения по ряду мер, которые могли бы уменьшить опасность войны и которые могли бы быть осуществлены в ближайшем будущем. Подобного рода предложениями являются, например, предложения о замораживании военных бюджетов, об отказе от применения ядерного оружия, о заключении пакта о ненападении между странами НАТО и странами Варшавского договора, об отводе иностранных войск с территорий чужих государств, об установлении безъядерной зоны или о мерах по предотвращению опасности внезапного нападения. Каковы, по Вашему мнению, перспективы всеобщего и полного разоружения и уменьшения международной напряженности?

Дж. Кеннеди. Поскольку по окончании переговоров между Маккломом и Зориным в сентябре Советский Союз и Соединенные Штаты в заявлении о принципах согласились о цели всеобщего и

полного разоружения, проблема теперь заключается в том, чтобы попытаться осуществить эту цель этап за этапом. У Советского Союза и Соединенных Штатов существует основное разногласие по этому вопросу, которое должно быть разрешено. Мы считаем, что должна быть соответствующая инспекция, чтобы добиться уверенности, что каждая из сторон разоружается и придерживается заключенных ею соглашений. Советский Союз заявил, что он разрешит нам или международному органу инспектировать то вооружение, которое подлежит уничтожению, но не разрешит нам осуществлять инспекцию, чтобы знать, какие вооружения остаются. Одна сторона может уничтожить сотню бомбардировщиков, но все еще иметь тысячу или две оставшихся бомбардировщиков. Если вы действительно намерены обеспечить упорядоченное разоружение, то, как мне кажется, вы должны инспектировать не только те вооружения, которые были уничтожены, но и остающееся вооружение. В противном случае мы не будем иметь какой-либо гарантии безопасности для любой стороны. Если мы сможем договориться об эффективной системе инспекции с тем, чтобы каждая страна могла знать, что другая выполняет соглашение, тогда, по моему мнению, мы сможем приступить к всеобщему и полному разоружению.

Вот почему, я считаю, жизненно важно, чтобы в качестве первого шага мы достигли соглашения о прекращении испытаний ядерного оружия и затем продвигались, шаг за шагом, в области атомного оружия, ракет, уровней сухопутных сил, военно-морского флота и всего прочего. Если мы сможем достичь соглашения об этом, тогда мы сможем продвинуться в направлении к всеобщему и полному разоружению.

Я думаю, что было бы полезно, если бы НАТО и страны Варшавского договора приняли на себя обязательство жить в мире друг с другом. Я, конечно, считаю, что нам следует предпринять любой возможный шаг для предотвращения внезапного нападения. Я полагаю, что если отношения между нашими странами смогут быть нормализованы, обе стороны будут меньше наращивать военную мощь; но в настоящее время мы не можем вывести наши войска из Европы, далеко за Атлантический океан, в то время как вы отведете свои войска в Советский Союз, который находится на расстоянии всего лишь в несколько сот миль. Именно поэтому нам необходимо знать, какая обстановка сложится в Берлине и в Германии. Вот почему я надеюсь, что между нашими правительствами в ближайшее время состоятся переговоры и что они успешно завершатся. Неоднократно говорилось о том, что мы возражаем против подписания мирного договора, что мы рассматриваем его как воинственный акт. Дело не в этом. Наша точка зрения заключается в том, что заявление, сделанное четырьмя державами в Женеве в 1955 году и предусматривавшее воссоединение Германии, представляет самую разумную политику. Мы считаем, что разделять страну, разделять город, воздвигать стену в городе — лишь увеличивает напряженность, а не уменьшает ее. И мы считаем, что если бы германскому народу было разрешено воссоединиться, то тогда могли бы быть предприняты соответствующие меры для обеспечения безопасности всех, кого это касается.

Мы отдаем себе отчет в том, что Советский Союз в настоящее время не намерен допустить воссоединения и что до тех пор, пока Советский Союз придерживается этой политики, Германия не будет воссоединена. Вопрос сейчас состоит в том, подпишет ли Советский Союз договор с властями Восточной Германии, который усилит напряженность, а не уменьшит ее. Как я сказал в своей речи в Организации Объединенных Наций, мы сознаем, что Советский Союз может подписать любой договор, какой он пожелает, с властями Восточной Германии. Однако, то, что мы считаем столь опасным,— это утверждение, что такой договор лишит нас наших прав в Западном Берлине, прав, которые мы завоевали в войне, прав, о которых Советский Союз, Соединенные Штаты, Англия и Франция договорились в конце войны и которые, как мы считаем, должны быть сохранены. Но если вы подпишете договор с Восточной Германией и эти права будут зависеть от воли властей Восточной Германии, то, как мне кажется, это может привести к увеличению напряженности. Если Советский Союз попытается в этом договоре передать юрисдикцию в отношении Западного Берлина властям Восточной Германии, вопреки желаниям населения Западного Берлина, если линии коммуникаций и доступ из Западного Берлина к внешнему миру и Западу будут полностью находиться под контролем властей Восточной Германии и смогут быть прерваны по их желанию в любое время, тогда этот договор не принесет мир, а лишь увеличит опасность.

Я надеюсь, что во время обмена мнениями и переговоров, которые мы надеемся иметь с Советским Союзом, будут даны заверения, позволяющие нам продолжать осуществлять права, которые мы имеем ныне в Западном Берлине в соответствии с существующим соглашением между четырьмя державами, и разрешат свободу передвижения в город и из него. Мы не хотим оставаться в Западном Берлине, если его население не пожелает, чтобы мы оставались. Но оно хочет, чтобы мы оставались. Когда оно решит, что оно не хочет нас, мы уйдем. Но до тех пор, пока оно хочет, чтобы мы оставались, я считаю, что права, которые принадлежат нам по соглашению, должны быть сохранены. Я надеюсь, что Советский Союз согласится с этим и, в частности, согласится обеспечить свободное передвижение товаров и людей в Западный Берлин и из него. Тогда мы сможем, по моему мнению, достичь мирного урегулирования в центре Европы, и, если мы сможем достичь соглашения по этому вопросу, тогда, как я полагаю, наши отношения значительно улучшатся.

А. Аджубей. Вы только что ответили на вопрос, который я собирался Вам задать. Но я не могу согласиться с Вами. Я не специалист в области разоружения, но, насколько я понимаю, соглашение Макклой— Зорин было весьма важным шагом вперед, и мы надеемся, что усилия специалистов, которые будут уполномочены нашими правительствами, приведут к лучшим результатам. Теперь несколько слов о Германии. Если я правильно понял, Вы употребили весьма нереалистическую формулировку. Я имею в виду формулировку «восточногерманские власти». Было бы более приятно услышать «правительство Германской Демократической Республики». Вам не нравится Германская Демократическая Республика, нам не нравится Федеративная Республика Германии, но мы имеем дипломатические отношения с ФРГ, имеем с ней очень хорошие торговые отношения. Итак, мы реалисты. Если бы правительство Соединенных Штатов не говорило «восточногерманские власти», а сказало бы «правительство Германской Демократической Республики», это было бы очень хорошо, реалистично.

Теперь второй вопрос. Мы хотим подписать мирный договор вместе с нашими союзниками по второй мировой войне, и мы надеемся, что это так и будет. Это было бы большим счастьем не только для нашего правительства, но и для нашего народа. Никто не намеревается передать Западный Берлин Восточной Германии. Это бессмысленно. Имеется ГДР и есть ФРГ с ее капиталистической системой. Давайте подпишем мирный договор, давайте гарантируем свободу Западному Берлину любыми средствами — войсками четырех держав, войсками ООН — и таким образом гарантируем его права. Но это проблема будущих переговоров. Теперь несколько слов о доступах в Западный Берлин. Зачем усложнять столь простую проблему? Коммуникации к Западному Берлину проходят на протяжении 190 км по территории ГДР. Если вам необходимо посетить Западный Берлин, если необходимо направлять туда людей, продовольствие и товары, весьма элементарно попросить разрешение на это у правительства ГДР. Иногда я чувствую, и я говорю Вам это очень честно, что некие злые люди пытаются усложнить простые вещи и таким образом преднамеренно создают напряженность. Вчера, когда я беседовал с Вашими ближайшими советниками, я привел такой пример: если у человека предельно напряжена нервная система, его раздражает каждый шум, каждый шорох, и ко всему он относится с подозрением. Такой человек может создать много беспокойства. Мы надеемся, что переговоры, которые скоро произойдут, будут объективными, реалистичными и будут проходить в обстановке полного спокойствия.

Дж. Кеннеди. Разрешите сделать мне одно короткое замечание. Весь Берлин был поставлен под власть четырех держав в соответствии с соглашением в Потсдаме. Восточный Берлин, который находился под непосредственной властью Советского Союза, теперь передан Восточной Германии в нарушение этих соглашений. Он более не находится под эффективным контролем четырех держав. А теперь Советский Союз стремится разместить советские войска в Западном Берлине. Он не предлагает, чтобы войска других трех держав были размещены в Восточном Берлине. Другими словами, Советский Союз сейчас хочет принять участие в контроле над Западным Берлином. Это один вопрос. Второе — это вопрос о правах доступа через Восточную Германию. Как я понимаю, вы собираетесь предоставить восточногерманским властям — Вы называете их восточногерманским правительством — полномочия вмешиваться в такого рода передвижения. Нам говорят, что они не станут этого делать, но мы не имеем никаких заверений на этот счет в заявлениях г-на Ульбрихта, которые меняются от недели к неделе. По моему мнению, если бы такое соглашение было

подписано, если бы наши права на линиях коммуникаций между Западом и Западным Берлином, которые контролируются в данное время Советским Союзом, были бы переданы восточногерманским властям и если бы восточные немцы, по той или иной причине, воспрепятствовали осуществлению этого права доступа, тогда это привело бы к усилению напряженности; Советский Союз, возможно, выступил бы в поддержку Восточной Германии, и мы вместо того, чтобы разрешить этот вопрос, оказались бы снова лицом к лицу.

Причина, по которой мы не хотим признавать Восточную Германию в качестве суверенного государства, заключается в том, что мы не признаем раздела Германии. По нашему мнению, немецкий народ хочет иметь одну объединенную страну. Если бы Советский Союз проиграл войну, сам советский народ возражал бы против проведения линии через Москву и через всю страну. Если бы мы проиграли войну, мы бы не хотели, чтобы такая линия была проведена вдоль реки Миссисипи. Немцы хотят быть объединенными. Я думаю, что это возможно сделать на условиях, которые обеспечат интересы всех сторон. Но Советский Союз считает, что его интересам более соответствует сохранить Германию разделенной.

Таким образом, имея в виду это решение, суть вопроса состоит в том, сможем ли мы обеспечить сохранность наших прав в Западном Берлине, которые были согласованы с Советским Союзом в 1945 году, с тем, чтобы это не было продолжающимся кризисом? Пытаясь найти решение проблем, которые возникли в результате второй мировой войны, мы не хотим увеличивать возможность третьей мировой войны. Все, что мы хотим, — это поддерживать весьма ограниченные — и они очень ограниченные по численности, — войска трех держав в Западном Берлине и иметь, к примеру, международную администрацию на автостраде с тем, чтобы товары и люди могли беспрепятственно перевозиться туда и обратно. Тогда мы сможем обрести мир в этом районе на долгие годы. Но если Восточная Германия будет осуществлять право власти над этим доступом, мы будем иметь там постоянную напряженность и, учитывая важные интересы обеих наших стран в сохранении мира в этой части Европы, я просто не вижу, почему это решение является разумным. Напротив, я надеюсь, что переговоры, к которым мы так стремимся, приведут к соглашению по этому вопросу, которое справедливо учитывало бы интересы всех.

А. Аджубей. Г-н президент, я говорю с Вами совершенно откровенно и дружелюбно, я хотел бы попросить Вас, хотя бы на секунду, представить себе такую невозможную вещь. Представьте, что вы офицер-ветеран Советского Военно-Морского Флота, воевавший во второй мировой войне. Вы выиграли войну, а затем произошли те самые события, которые и происходят сейчас. Одна из частей Германии — ФРГ не признает установленных после войны границ. Она вновь создает вооруженные силы. Канцлер этого государства направляется в Соединенные Штаты для беседы с президентом, и они ведут секретные переговоры. Дух реваншизма очень высок в этой части Германии. Как Вы отнеслись бы к этому, если бы Вы были ветераном Советского Военно-Морского Флота?

Дж. Кеннеди. Если бы я был советским ветераном, я бы видел, что Западная Германия имеет сейчас только девять дивизий, что гораздо меньше численности советских сил. Девять дивизий. У нее нет своего ядерного оружия. Она обладает очень незначительными военно-воздушными силами, почти не имеет военно-морского флота, по-моему, две-три подводные лодки. Таким образом, она не представляет военной угрозы. Ее девять дивизий находятся под международным контролем НАТО и под командованием организации НАТО, в которую входят 15 европейских стран, имеющих в общей сложности примерно 22 или 23 дивизии в Западной Германии; приблизительно такое же число советских дивизий находится в Восточной Германии. Поэтому я не вижу, что эта страна в настоящее время представляет военную угрозу для Советского Союза, хотя и сознаю, насколько ожесточенной была борьба во время второй мировой войны, равно как и Япония сегодня не представляет угрозы для Соединенных Штатов, хотя двадцать лет тому назад мы воевали на протяжении четырех лет с японцами в районе Тихого океана. Сила государств меняется, меняется вооружение, меняется наука, и я не верю, что Западная Германия без ракет, без ядерного потенциала, с весьма небольшим количеством дивизий представляет собой военную угрозу.

Затем я бы оценил мощь Соединенных Штатов, а также мощь Советского Союза и сказал бы, как

важно, чтобы между Советским Союзом и Соединенными Штатами не было войны, которая уничтожила бы обе наши системы. Итак, будь я советским ветераном, я хотел бы, чтобы Советский Союз достиг соглашения с Соединенными Штатами, в котором признавались бы интересы и обязательства Соединенных Штатов, равно как и наши собственные, а не пытался односторонне навязать Соединенным Штатам новую ситуацию, которая противоречила бы обязательствам, принятым нами ранее. Советский Союз взял на себя в 1945 году обязательства в отношении Берлина. Германия сегодня разделена. Германия сегодня не является военной угрозой для Советского Союза.

Что важно, так это постараться достигнуть договоренности, в которой признавались бы интересы всех, и я верю, что это может быть сделано в отношении Германии. Я сознаю, что будут существовать две Германии до тех пор, пока Советский Союз считает, что это в его интересах. Проблема сейчас состоит в том, чтобы обеспечить в любом договоре между Советским Союзом и Восточной Германией признание прав других держав в Берлине. Вот и все, о чем мы говорим. Мы не говорим о поощрении реваншизма, создании мощной германской военной машины и о разных других вещах, о которых Вы упоминаете. В любом мирном договоре, который будет подписан с Восточной Германией, должны быть признаны права Соединенных Штатов и других держав.

Мне кажется, что это никак не угрожает безопасности Советского Союза. Это не предусматривает какого-либо увеличения западных вооруженных сил, которые имеются там в весьма ограниченном количестве. Я думаю, что мы сможем сохранить мир в этом столетии в Центральной Европе, если мы сможем достигнуть договоренности о Западном Берлине. Проводить же другой курс во имя того, чтобы покончить со второй мировой войной, курс, угрожающий увеличить возможность возникновения третьей мировой войны, представляет совершение неразумную политику как для вас, так и для нас.

Итак, если бы я был советским офицером и хотел мира, я считал бы, что мир можно выиграть и обеспечить безопасность моей страны. Советский Союз — могучая военная держава. Он обладает большой ядерной мощностью. Он имеет ракеты, самолеты, большое число дивизий; с ним связаны другие страны. Никто никогда не вторгнется вновь в Советский Союз. Нет такой военной силы, которая могла бы это сделать. Вопрос в том, чтобы заключить такое соглашение, которое обеспечило бы признание наших интересов так же, как и ваших, и это, несомненно, в наших силах. Ни председатель Хрущев, ни я не заключали соглашение о Берлине в 1945 году. Наш долг при сложившейся трудной ситуации — обеспечить мир, и я считаю, что это можно сделать.

Короче говоря, если бы я был офицером Советского Военно-Морского Флота, я считал бы, что безопасность Советского Союза хорошо обеспечена и что самое важное сейчас — это достичь договоренности с Соединенными Штатами, нашим союзником во второй мировой войне.

А. Аджубей. Г-н президент, я сейчас заканчиваю. Конечно, вы ответили на этот вопрос не как ветеран Советских Вооруженных Сил, а как президент Соединенных Штатов Америки, и это вполне естественно. Однако, как я понял Вас, г-н президент, Вы против того, чтобы Западная Германия имела в своем распоряжении ядерное оружие или в какой-то мере имела бы контроль над ним.

Дж. Кеннеди. Соединенные Штаты в соответствии со своей национальной политикой, как я говорил об этом в Организации Объединенных Наций, не передадут ядерное оружие какой-либо стране, и мне особенно не хотелось бы видеть, что Западная Германия обрела свой собственный ядерный потенциал. Канцлер Аденауэр в 1954 году заявил, что она этого не сделает. Это остается политикой его правительства, и я думаю, что это — разумная политика.

А. Аджубей. Но Вы прекрасно знаете, что многие высокие посты в НАТО заняты немецкими генералами, и Вам известно, что Европа весьма далека от Соединенных Штатов. Не думаете ли Вы, что когда-то может случиться, что немецкие генералы станут слишком влиятельными в НАТО?

Дж. Кеннеди. Вот почему я и считаю столь важным подчеркнуть, что западногерманская армия является составной частью НАТО. Сейчас в НАТО командует американец; по моему мнению, пока

немецкие вооруженные силы являются составной частью НАТО, — а НАТО контролируется 15 странами-членами НАТО, и ни одна из них не хочет новой войны, — налицо безопасность для всех. И я считаю, что это будет так продолжаться.

Если бы это положение изменилось, если бы Германия создала свой собственным атомным потенциал, если бы она создала много ракет или сильную национальную армию, угрожающую войной, то тогда я понимал бы ваше беспокойство и разделял бы его. Ведь мы уже имели две войны в Европе, так же как и вы. Однако нынешнее положение и положение в отношении будущего таковы, какими их я охарактеризовал. Если бы это положение изменилось, то тогда мне представлялось бы целесообразным для США, Советского Союза и других стран рассмотреть в надлежащий момент создавшуюся ситуацию. Однако этого сейчас нет, так зачем же подвергать себя риску возникновения затруднений между США, являющимися мощной страной, и Советским Союзом, также мощным, когда не существует никакой реальной угрозы в Европе ни для вас, ни для нас? Я думаю, что мы должны видеть вещи такими, какими они предстают в 1961 году.

Вы заявили, что вы реалисты. Сейчас не 1939, 1940 или 1941 год. Посмотрите, что произошло. Как я уже сказал, на Дальней Востоке сила Японии была совершенно иной в те годы. Мощь Китая была также совершенно иной. Страны меняются. Меняется положение. Мы должны быть достаточно реалистичными, чтобы понять, где кроется реальная опасность.

Реальная опасность сегодня состоит в том, что и вы, и мы располагаем в своих ядерных запасах средствами для нанесения друг другу колоссальных разрушений, и мы будем теми, кто больше всего пострадает от войны.

Поэтому я считаю, что если мы подойдем к этому реалистично, мы сможем достичь соглашения, которое обеспечит интересы наших двух великих стран и позволит нам обоим идти вперед в области повышения нашего уровня жизни и разрешения других проблем. В США за последние 14 лет жизненный уровень возрос на 40 процентов. В Советском Союзе жизненный уровень резко повысился. Никто не может так выгадать от мира, как Советский Союз и Соединенные Штаты.

Я надеюсь, что мы будем рассматривать положение в Германии таким, каким оно является сегодня, вместе того, чтобы пытаться говорить об условиях в этой стране, существовавших 20 лет тому назад. Мир в Европе практически существует уже в течение 15 лет. Сейчас вопрос состоит в том, можем ли мы прийти к переговорам, которые смогли бы урегулировать эту проблему на последующие 15 лет. Никто не знает, что произойдет в отдаленном будущем в мире, но, по крайней мере, мы должны найти решение проблемы Берлина и Германии.

А. Аджубей. Я благодарю Вас, г-н президент, за Ваше внимание и время, которое Вы уделили мне из своего отдыха.

Дж. Кеннеди. Я очень ценю предоставленную мне, как президенту, возможность поговорить с народом Советского Союза, любезность, которую Вы оказали, приехав сюда.

Мне хотелось бы подчеркнуть, что для народа нашей страны не было бы большего удовлетворения, чем увидеть, что наши две страны живут в мире и что народы наших двух стран пользуются благами постоянно возрастающего уровня жизни. Я был в Советском Союзе в 1939 году, будучи студентом, и понимаю, что там произошло много изменений и что уровень жизни народа повышается. Жизненный уровень народа Соединенных Штатов также повысился.

Я надеюсь, что это интервью в какой-то степени внесет вклад в дело лучшего взаимопонимания и мира. Ибо, я повторяю это вновь, больше всего выиграют от мира наши два народа.

А. Аджубей. Благодарю Вас, господин президент.